Не молчи. Дневники горянки

Автор:
Марьям Алиева

Не молчи. Дневники горянки

Марьям Омаровна Алиева

Кладезь психологии

Насилие над женщиной – самое распространённое нарушение прав человека в мире. Сексуальное насилие не обошло стороной ни одну страну, ни одно общество, каким бы продвинутым и глубоко религиозным оно ни было. Разница лишь в том, что где-то жертва насилия может обратиться за помощью к близким, а где-то – нет, ведь ее не только сделают виноватой, но и позор смоют ее же кровью…

Кавказ всегда славился строгими нравами и высокими требованиями к женщинам, за несоответствие которым наказать могли смертью. Именно поэтому у жертв изнасилований на Кавказе, кроме основных (чувство вины, страх перед угрозами насильника, страх перед полицией, обществом, партнёром, уверенность, что преступника не накажут, нежелание вновь погружаться в весь этот кошмар), есть свои причины для молчания – страх перед обвинением от родственников и убийство чести…

«Не молчи» – это боль, страх, отвращение, страдание, безысходность, беззащитность, которые испытывает жертва. Это возможность увидеть глазами жертвы весь ужас насилия и понять в полной мере, что жертва не может быть виноватой. Ведь она не решает, быть ей изнасилованной или нет, это решение насильника. Это возможность отказаться от ужасного стереотипа и больше не быть причиной молчания жертв насилия, а равно и причиной свободы насильника.

Марьям Алиева

Не молчи

Изнасилование – одно из самых ужасных преступлений на земле, и оно совершается каждые несколько минут. Проблема людей, которые имеют дело с изнасилованиями, в том, что они учат женщин, как обезопасить себя. Хотя на самом деле нужно учить мужчин не насиловать. Идите к источнику насилия и начинайте с него.

Курт Кобейн

© Алиева М., текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

От автора

Начать книгу, полагаю, будет уместным с пресловутой статистики, чтобы читатель хоть немного понимал масштабы проблемы.

Итак, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2017 году в России зарегистрировано 3500 преступлений категории «изнасилование и покушение на изнасилование», по неофициальным же данным, изнасилованиям в 2017 году подверглись около 10 тыс. человек.

Почему же такая большая разница в цифрах официальной и неофициальной статистики?

А все дело в том, что за помощью в правоохранительные органы обращаются только 10–12 % жертв изнасилований.

Однако от общей российской статистики сильно отличается статистика регионов Северного Кавказа. Где, ввиду менталитета, об изнасилованиях заявляют максимум 1–2 % жертв, и те остаются с клеймом на всю оставшуюся жизнь.

Проживая в обществе с восточным менталитетом, женщина вообще должна быть готова к тому, что во всех бедах общество будет винить именно ее. Домогается ли ее мужчина, бьет ли, изменяет, насилует ли… объясняться все это будет простым «дала повод».

При этом поводом является сам факт того, что она женщина.

Но самое отвратительное в этой откровенно наглой подмене ценностей то, что именно женщины первыми забрасывают камнями и клеймят друг друга. Что это? Мизогиния? Или, может, такой способ выстроить «защиту»? Оправдывая насильника поведением или внешним видом жертвы, женщина объясняет его поступок и полагает, что, имея отличную от жертвы модель поведения, она, таким образом, себя обезопасит. Но это далеко не так…

Поднимая в социальных сетях тему изнасилований девушек на Кавказе, я, признаться, не ожидала такого огромного отклика. В течение недели после публикации поста я получила более сотни сообщений от девушек с самых разных уголков Кавказа о том, что их коснулась эта беда. Это были разные истории, но объединял их один ужас, малышки, которых соседские мальчишки, что постарше, заставляли трогать их половые органы, или изнасилования родственниками. Итог у историй также был разным, одни забывали и пытались вести нормальную жизнь, другие же после неудачных попыток суицида не могли прийти в себя.

Истории в книге, абсолютно каждая из них— реальны. Они присланы мне жертвами изнасилований и опубликованы с их согласия. Также важно заметить, что книга не является портретом кавказской личности, не характеризует каждого кавказца, но раскрывает конкретную проблему нашего общества.

Она ни в коем случае не претендует на звание литературного шедевра, написана в самой доступной форме, а главная ее цель – показать ситуацию глазами жертвы. Я бы хотела донести до вас тот страх, ту боль, то отвращение и презрение, тот шок, который испытывает жертва во время изнасилования, донести до всех, что она не виновата, позволив вместе с ней пройти этот ад. Надеясь на то, что хотя бы так люди поймут, что, обвиняя жертву, они дают молчаливое согласие на подобные преступления.

Об изнасиловании молчат маленькие девочки, взрослые женщины, популярные блогеры, политики, даже мужчины…

Молчат и развязывают руки насильникам, молчат, потому что не хотят приносить себя в жертву обществу, не готовому их принять.

Я призываю не молчать, не бояться сказать, призываю общество к осознанию того, что изнасилование должно быть позором для насильника, но не для жертвы.

Глава 1

Амина

Я жадно глотала ртом воздух, он растекался во мне кипятком и больно обжигал легкие. Каждый мой вдох сопровождался ужасной мукой, но кричать не хватало сил. Из меня лишь изредка вырывался слабый стон.

С трудом подняла голову и огляделась. Он уже ушел. Попыталась встать, но тело отозвалось нестерпимой болью. Решила немного прийти в себя. Я еще не полностью осознала, что произошло. Все это будто не со мной… так не бывает, не должно быть… казалось, болела каждая клеточка моего тела, от ногтей до кончиков волос. Но сильнее всего болела душа. Она медленно и мучительно умирала, причиняя невообразимые страдания.

Вторая попытка встать оказалась более успешной. Хоть и с трудом, мне удалось оторвать свое измученное тело от ледяной поверхности. Я смотрела на свои разбитые колени и ненавидела их. Если бы не они, возможно, всего этого не случилось бы. А впрочем, это совершенная глупость. Это наверняка случилось бы и при другом стечении обстоятельств.

К моему удивлению, больше ни синяков, ни ссадин не было, хотя, по ощущениям, меня разрезали на мелкие кусочки. О том, что произошло, говорила только алая кровь на внутренней стороне бедра.

Размышления прервал звук шагов. Я медленно легла на пол и закрыла глаза, старалась дышать как можно тише и реже, надеялась, он решит, что я умерла, и больше не тронет. Надежды оказались тщетными. Уже в следующее мгновение я почувствовала его дыхание у своей шеи. Сердце бешено колотилось. Едва он коснулся меня, как тело охватила судорожная дрожь, я хотела закричать, но меня словно парализовало от ужаса. Он взял меня на руки, я крепко зажмурила глаза, приготовившись к новой порции адских мук. Но ничего не произошло, и в следующую минуту я уже сидела в ванной. «Что он задумал, что опять будет делать?» – эти мысли терзали мне разум.

Он молча стянул с меня майку и бросил на пол. Тут меня прорвало, было ощущение, будто у меня только что отняли самое важное, что не осталось в жизни больше ничего. Эта майка была последним, что прикрывало мой стыд, последней тростинкой, за которую я цеплялась, а он отнял ее, отнял и бросил на пол. Я стала кричать, вырываться, мне было все равно, страха больше не осталось, точнее, не осталось сил на страх. Это был не мой крик. Он не мог принадлежать девочке, не мог принадлежать человеку. Это не я, это не со мной…

Это не я… к жизни меня вернула ледяная вода, хлынувшая на меня из душа. Ее потоки обрушились на мою голову, холодом своим смывая с меня последние остатки детства. Я замолчала. Все закончилось, моя душа, издав истошный крик, умерла. Больше не осталось меня, не осталось ничего.

Он искупал меня, смыл кровь. О том, что я еще жива, напоминали лишь пощипывающие от воды коленки.

Вот я, словно в кокон, завернутая в большое полотенце, вновь у него на руках, он несет меня в спальню, укладывает в кровать и заботливо укрывает одеялом. Его губы слегка касаются моего лба, и я остаюсь одна. Какая громкая, кричащая тишина, как тесно в этих стенах. Стены… они все видели, они все знают. Я постепенно погружаюсь на самое темное дно своего сознания и проваливаюсь в сон.

Не знаю, сколько я проспала, но, когда он прервал мой сон, за окном была уже глубокая ночь. Я почувствовала его теплую руку на лбу. Открыв глаза, я не сразу вспомнила, что произошло. Однако память вернулась, едва он коснулся меня взглядом.

– Проснулась? Хочешь чаю?

Его голос был наполнен покоем. Говорил он так, словно ничего не произошло, словно это не он несколькими часами ранее вынул из меня душу.

Я отрицательно помотала головой и натянула одеяло повыше, закрыв часть лица. Хотелось залезть поглубже в кровать, спрятаться от него, чтобы больше никогда не видеть, никогда не слышать и никогда, ни за что не касаться его.

Поверх одеяла он приложил руку к животу и с ноткой заботы в голосе спросил:

– Тебе все еще больно?

Вопрос был будто с издевкой. Можно подумать, его действительно волнует, больно ли мне. Ведь не волновало, когда он… А что он делал? Я даже не знала, как это назвать. Я осознавала, что это что-то очень плохое, грязное, то, что нельзя делать. Но никак не могла придумать этому название.

Я отвела глаза и еще больше закуталась в одеяло. Он попытался дотронуться до меня, но я резко отпрянула назад. Он тяжело вздохнул:

– Ты что-нибудь хочешь?

Конечно, я хочу… хочу, чтобы ты исчез, чтобы я исчезла, чтобы исчезло все это, чтобы всего этого не было.

Но я снова молча помотала головой. Все внутри меня кричало, мои мысли рвались наружу, а я слова не могла выговорить.

Он приобнял меня, и я замерла, дыхание стало тяжёлым, во рту пересохло, меня охватил ужас. Неужели опять… я боялась пошевелиться. Он поцеловал меня в макушку и вышел. Как мучительно долго тянулись эти секунды, отдалявшие его шаги от меня.

Как страшно оставаться наедине со своими мыслями. Что же пошло не так? Что привело к тому, в каком положении я сейчас нахожусь? Что я делала не так? Разве я не слушалась маму? Разве огорчала ее? Мама… почему ты не оказалась

рядом? Почему не спасла меня? Чем я заслужила все это? За что мне причинили такую боль, за что растоптали, уничтожили меня? Разве такими должны быть мысли девятилетней девочки, разве они должны лишать сна ребенка?

Я помню каждую секунду того дня в мельчайших подробностях.

Помню нежно-голубое небо, знаете, такое, которого непременно хочется коснуться, попробовать на вкус, кажется, оно напоминает зефир. Такое небо никогда не предвещает беды. Помню палящее солнце, зной которого разливался по земле, проникая в самые узкие улочки, не щадя никого.

Я всегда любила лето, как, наверно, все дети, ведь это пора бесконечно веселых приключений и забав. Мое задорное настроение не омрачал даже отъезд мамы в командировку. Во-первых, это было всего на неделю, во?вторых, я оставалась с дедушкой, а уж с ним мы найдем способ весело скоротать деньки.

Мама уже стояла у порога, когда я вышла.

– Аминка, ты хотя бы проводи меня, а то, смотрю, ты мое отсутствие и не заметишь.

– Мамочка, ты же сама сказала, что это ненадолго.

– Конечно, ненадолго, но я все равно буду скучать. А ты разве нет?

– Но, мамочка, со мной же останется дедуля. Думаешь, у меня будет время скучать?

Мама рассмеялась, крепко меня обняла, поцеловала и вышла. Во дворе ее уже ждал дедушка. Я закрыла дверь и вдруг неожиданно для себя поняла, что проведу без мамы целую вечность. Мне ужасно захотелось ее обнять. Я так испугалась, что она уже уехала, так и не обнявшись со мной. Выскочив за дверь и слетая вниз по ступенькам, легко преодолевая пролеты один за другим, я выбежала из подъезда и буквально бросилась в объятия мамы. Она пошатнулась, то ли от неожиданности, то ли от силы, с которой я накинулась на нее. Слезы блеснули на ее глазах.

– Я скоро вернусь, милая, обещаю, еще кучу подарков привезу.

Она вновь крепко обняла меня. Нас прервал дедушка:

– Амишка, ты что, хочешь, чтобы мама опоздала и никуда не уехала? А как же тогда наши шалости? – с нескрываемой хитростью сказал дедушка и, подхватив меня, поднял на руки. Конечно, мне нравилась такая забота, но ведь могли увидеть ребята со двора, уж тогда без дразнилок не обойдется, поэтому я запротестовала:

– Пусти, деда! Я же не маленькая, чтобы ты меня на руках носил.

– Конечно, не маленькая. Ты принцесса. А принцесса или на руках, или в карете, кареты у меня нет.

Мама наблюдала и умилялась. Пришло время уезжать. Она вновь заключила нас в объятия, нежно поцеловала и села в такси. Мотор машины негромко зарычал, будто прощаясь, и такси унеслось прочь.

Дедушка сумел развеять печаль от отъезда мамы, я была в предвкушении самой веселой недели в жизни. Дедушка меня очень любил и старался часто баловать.

После смерти отца мама с головой ушла в работу, а дедушка делал все, чтобы я этого не замечала. И у него это неплохо получалось. Я никогда ни в чем не знала отказа от него.

День выдался особенно жарким, но мне, как и другим детям, это было только в радость. Мы с ребятами веселились, заливая двор звонким смехом. И вот, переиграв во все известные нам игры, мы с ребятами устроились на лужайке, недалеко от дома. Над нами проплывали облака самой причудливой формы, а солнце нежно ласкало своими лучами наши лица. Казалось, вот оно, то беззаботное время, которое еще долго будет длиться, но… не для меня.

Мои размышления нахально прервал голос Адама, мальчишки-соседа, что часто играл с нами:

– Амишка, а ты видела, какие яблоки растут в огороде дяди Коли?

– Видела, но я туда не полезу.

Дядя Коля, наш сосед, русский дедушка, ужасно вредный, как мне тогда казалось. Его никто не любил, даже соседи не здоровались и старались держаться подальше от него. Дети его жутко боялись, подпитывали этот страх страшилки, в которых он якобы убивал детей и закапывал в своем огороде, от чего он всегда был невероятно богат урожаем. Конечно, это была лишь выдумка, но выглядел дядя Коля так, что проверить это никто не решался. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

– Не знал, что ты такая трусишка, – с издевкой произнес Адам.

– Я не трусишка. А воровать – плохо.

– Так он и сам их не ест. Они просто падают и гниют. Они ему вообще не нужны. А раз не нужны, выходит, это и не кража вовсе.

Я не была уверена в правильности таких выводов, но отрицать их логичность не могла. Дядя Коля действительно никогда даже не собирал яблоки с огорода. Но мне нужно было найти причину, чтобы выйти из ситуации. И Адам это понимал, но ему нужно было меня высмеять.

– Все равно, это ведь чужое.

Я сказала это так неуверенно, что казалось, сама не уверена, впрочем, так оно и было.

– Признай, ты просто боишься.

Конечно, я боялась, но признаться этому задире Адаму, еще и в присутствии других ребят, я просто не могла.

– Ладно, пошли, но красть я ничего не буду. Я перелезу через забор, дойду до дерева и вернусь. Я покажу тебе, что никакая я не трусиха.

Адам рассмеялся. Он не верил, что я это сделаю, признаться, я и сама не верила.

– Да, ты и близко не подойдешь. Ты же девчонка, и этим все сказано.

Слова Адама заставили меня незамедлительно направиться в сторону дома дяди Коли, ребята рванули за мной.

Мы стояли у огорода – я, охваченная чувством страха, и толпа ребят, жаждущих зрелища. Поддразнивания Адама заставили меня взять себя в руки. В конце концов, подумала я, будь все это правдой, дядя Коля давно сидел бы в тюрьме. С этими мыслями я полезла на забор, самоуверенная улыбка этого наглого мальчишки таяла на глазах. Прыжок, и я внутри.

Ребята восторженно вскрикнули. Я была бесконечно горда собой, теперь меня уж точно никто не назовет трусишкой. Я дотронулась до дерева и было собралась выбираться из огорода, как меня посетила мысль, что было бы несправедливо не наградить себя спелыми яблоками, солнечные лучи так красиво играли на них, заставляя краски переливаться, что удержаться было невозможно. К тому же я их вполне заслужила. Я вернулась к дереву, ребята замерли, Адам был в ужасе, нет, он не боялся за меня, он боялся за себя, ведь то, что я делала, превращало его самоуверенность в пыль.

– Скорее, глупая, он же сейчас придет, – не сдержался Адам.

– Ну и что? Я же сказала, что не боюсь его.

Конечно, я лукавила, мое сердце билось так быстро, что едва не выпрыгивало из груди. Но пути назад уже не было. Дрожащими руками я ухватилась за ветку и полезла на дерево. Чем выше я забиралась, тем дальше отступал страх. Вот я уже уверенно сидела на верхушке и грызла яблоки.

– Принеси и нам, Амишка, – крикнул Адам, ребята зашикали, ведь его могли услышать. Уверена, он нарочно так громко кричал.

– Вот еще! Лезь сюда и бери сам.

Пришла моя очередь дразнить его. Я была уверена, ни у кого из ребят никогда не хватит смелости сделать это.

Вдруг послышался шум, и все ребята бросились врассыпную.

Он идет… именно в этот момент я поняла значение выражения «сердце ушло в пятки», голова загудела, сердце застучало в бешеном ритме, внутри все пульсировало. Я второпях стала спускаться с дерева, ветки больно царапали руки, но страх быть пойманной был гораздо сильнее боли. До земли оставалось немного, и я уже была готова прыгать, как ветка подо мной хрустнула, и я упала на землю. Было нестерпимо больно, я разбила колени и сильно ударилась животом о твердую землю, все тело ныло. Но и это было не самое страшное. Весь ужас был в том, что ко мне быстрыми шагами приближался дядя Коля.

Дядя Коля медленно перевернул меня на спину. Ужас не покидал меня, сковав сознание. Казалось, язык во рту распух, и я не могла сказать и слова.

– Ты же могла убиться!

Я впервые слышала, как он говорит, впервые видела его так близко. Его мягкий голос вмиг стер всю картину его грозного вида.

– Встать можешь? Голова не болит? Не тошнит?

Вопросы сыпались один за другим, но я все еще не могла говорить и просто отрицательно мотала головой.

Он поднял меня на руки и занес в дом, положив меня на мягкий диван, он тяжело вздохнул.

– Эх, старость не в радость, такую тростинку пять метров пронес и выдохся. А было время, как богатырь был, хоть сказки обо мне слагай.

Он так искренне улыбался, а мои глаза предательски выдавали страх. Дядя Коля это понял и спешно покинул комнату. Вернулся с полотенцем и бинтом в руках. Он аккуратно протер мои раны влажным теплым полотенцем и заботливо замотал их бинтами.

– Ну что, полегчало?

Он сказал это так виновато, словно это из-за него я упала.

– В доме ни йода, ни зеленки нет, бинт, и тот каким-то чудом нашелся. Давай-ка я отведу тебя домой, а мама уже сделает как надо.

Я молчала. Страх отступил, но я была шокирована поведением дяди Коли. Человек, которого боялись не только дети, но и взрослые, о котором сочиняли страшилки, на деле оказался самым обычным, весьма добродушным стариком. Казалось, таким его знаю только я.

– Идти-то можешь?

– Кажется, да.

– Ну, так давай руку, пойдем домой.

Он улыбнулся и протянул потемневшую, изрезанную морщинами руку. Я машинально подалась назад.

– Ты чего это, боишься меня?

– Да, то есть нет, то есть… о вас говорят…

Какая же я идиотка! Меня охватил стыд. Я стыдилась того, что так себя повела, стыдилась своих мыслей. Он ведь был так добр ко мне, а я обидела его своим страхом.

– Да, у нас любят посудачить. Но больно ты худая, не буду я тебя есть, можешь меня не бояться. Он посмотрел на меня, и я увидела, что глаза его, синие, чистые, как вечернее летнее небо, наполнены теплом. От его враждебности, которую, как оказалось, мы придумали сами, не осталось и следа. Я не могла поверить, что мы придумали все это только потому, что он был не таким, как все.

Я улыбнулась и, наконец, протянула ему свою руку. Он помог мне встать, заботливо приобнял и повел к дверям. Я шла в предвкушении того, как отреагируют ребята. Больше всего мне хотелось похвастаться своим новым

другом перед задирой Адамом. Уж теперь, думала я, он точно не посмеет меня обидеть. Но мой план с треском провалился, как только мы вышли за дверь. У порога стоял дедушка. Он был в ярости. Я еще никогда не видела его таким.

– Ты в порядке? Он тебе ничего не сделал?

Дедушка схватил меня за руку и резко притянул к себе. Я едва не упала.

– Деда, ты чего? Дядя Коля…

Я была ошарашена.

– Ты что, старый, совсем из ума выжил? Ты кто такой, чтобы вообще ее трогать и тем более тащить в свою конуру?

Лицо дяди Коли покрылось мраком, казалось, я видела, как сверкает молния в его синих глазах. Он, не сказав ни слова, просто хлопнул перед нами дверьми.

Я была ужасно зла на дедушку, он только что обидел моего друга, обидел абсолютно незаслуженно.

– Он тебя не обидел?

– Нет! Это ты обидел его, – недовольно ответила я.

– Какого лешего, спрашивается, ты вообще туда полезла?

– За яблоками.

Сказав это, я ощутила чувство вины. Как я могла так плохо поступить с дядей Колей?

– С каких пор ты стала красть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alieva_mar-yam/ne-molchi-dnevniki-goryanki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить